

16. Скрипнюк О. Конституційний процес як фактор демократизації суспільних відносин в Україні / О. Скрипник // Вісник Конституційного Суду України. – 2007. – № 2. – С. 66.
17. Там само. – С. 70.
18. Тихомиров Ю. О. Концептуально-конституційні аспекти систематизації національного законодавства / Ю. О. Тихомиров // Систематизація законодавства в Україні: теорія і практика. – К. : Ін-т законодавства ВРУ, 1999. – С. 58.
19. Про внесення змін і доповнень до статей 104, 114-5 і 114-9 Конституції (Основного Закону) України: Закон України від 27 жовтня 1992 року // Відомості Верховної Ради України. – 1992. – № 49. – Ст. 671.
20. Шаповал В.М. Парламентаризм і законодавчий процес в Україні / В. М. Шаповал, В. І. Борденюк, Г. С. Журавльова. – К., 2000. – С. 183–186.
Стаття надійшла до редакції 02.10.2011 р.

R. Chornolutsky

**FORMATION OF NATIONAL LEGAL SYSTEMS OF UKRAINE IN 1990–1993
YEARS, AS KONSTYTUYUYUCHYY FACTOR IN FORMATION FUNCTIONS
INDEPENDENT STATE LEGISLATIVE**

In the article the historical and legal processes of forming of legislative function of the independent Ukrainian state are probed in a period from the moment of proclamation of independence to beginning of development of new Constitution of the state process.

УДК 342.5(477)

Е. Н. Черных

**К ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ ОБОСНОВАНИЮ ПОНЯТИЯ ОРГАНА
ГОСУДАРСТВА**

Толкование конструкции органов государства в украинской государственной доктрине основывается с позиции германской теории, оставляя без внимания идейные начала французской теории органа государства; вступает в противоречия с текстами Конституции Украины и национальных законов, а также с отдельными доктринальными положениями.

Ключевые слова: орган государства, французская и германская теории органа государства, национальный суверенитет, народовластие, государственный суверенитет, компетенция, полномочия, субъективные права.

Понятие органа государства сегодня является неотъемлемым и центральным концептом не только правовой доктрины и законодательства, но и в сфере, образующей предмет многих гуманитарных наук, которую в широком смысле можно обозначить как государствоведение. Словом, его вполне можно признать общеупотребимым. Но особенное, ключевое положение ему отводится в правовых учениях, поскольку без него совершенно невозможно понять явления, связанные с государственной властью, механизмом её осуществления, государственное устройство. Поэтому данное понятие традиционно образует тематические части в доктринальных знаниях общей теории государства и права, конституционного права, административного права; его изучают как отдельный вопрос и в соответствующих учебных дисциплинах. Вместе с тем, теоретико-правовое учение об органе государства, по нашему убеждению, далеко от стройности построения, последовательности; вследствие идейной неразборчивости оно страдает эклектичностью, обнаруживает несогласованность между доктринальными и законодательными положениями. В общем виде одна из проблем отечественной

доктрины органа государства заключается в том, что она содержит в себе принципиально отличные идейные начала, которые развивались в разных исторических условиях французской и германской правовыми школами. Идеи, положенные в основу французской и германской доктрины, неправильно рассматривать исключительно в аспекте истории политико-правовой мысли; эти идеи чрезвычайно актуальны, без преувеличения составляют основу современного конституционализма, служат концептуальными источниками публичного права. Современная доктрина демонстрирует безразличное отношение к смешению разных теорий органов государства, не замечает его. Между тем, как известно, базовые доктринальные идеи разветвляются в логически-производных от них положениях и генерализируются в конституционных и законодательных нормах. Таким образом, путанность учения в исходных тезисах неизбежно обнаруживается в связанных с ними теоретических суждениях и, разумеется, в их нормативном воплощении, в нормативном толковании и, наконец, в правоприменительной практике. С доктринальной стороны указанная проблема связана с задачами объяснения государственно-правовой действительности путём разработки теоретически согласованного, последовательного, внутренне непротиворечивого учения. С эмпирической, прикладной стороны указанная проблема связана с задачей согласованности правотворения и юридической практики с концептуальным учением.

Вызывает сожаление тот факт, что в современной правовой науке обоснованию понятия органа государства либо не уделяют внимания, либо обходятся поверхностным, часто односторонним рассмотрением. Весьма показательны в этом отношении современные учебники и учебные пособия по теории государства и права, конституционному праву: по общему правилу глубокое теоретическое обоснование органов государства в них отсутствует, с теоретических позиций материал излагается упрощённо и элементарно. Даже в тех из них, которые претендуют на системный подход и принадлежат перу крупных и известных авторов, как, например, «Современное публичное право» Ю. А. Тихомирова (2008 г.) [1], мы не находим теоретического обоснования органов государства. Но и в научной сфере положение не радостно, о чём свидетельствует отсутствие монографических работ и крайне редкие публикации, в которых ставятся и анализируются проблемы теоретической конструкции органа государства. В диссертационных исследованиях, насколько нам известно, эти проблемы также обходят стороной. Можно сказать, что сегодня в науке это заброшенное место, что вызывает некоторое недоумение на фоне распространённости и значения понятия органа государства. К слову, это обстоятельство отличает современное отечественное правоведение от дореволюционного, в котором теоретические проблемы конструкции органа государства вызвали живое обсуждение. Редкими положительными примерами являются, например, публикации В. Шаповала, о которых речь пойдёт далее [2]. В целом, таким образом, проблемы концептуального обоснования органов государства сегодня в отечественной правовой науке представлены неудовлетворительно.

Очевидно, что для детального понимания сути проблемы необходимо обратиться к рассмотрению положений французской и германской научных школ, в которых учение органа государства получило наибольшее развитие. Французское учение органа государства наиболее активно развивалось в XVIII–XIX веках и исходит из того, что источником деятельности государства является воля. Воля этого союзного лица осуществляется через людей, представителей государства, образующих органы государства. Отсюда орган государства это *индивиды или индивид, воля которых выдаётся как государственная*.

Следует указать, что французское учение о государстве, его органах и публичной власти было вдохновлено идеями буржуазных революций, поэтому генетические,

исторические, доктринальные особенности впитало из ключевых положений текстов декларации прав и революционных конституций. Их основание образуют *идеи нации как субстрата юридической личности государства и национального суверенитета*, а отсюда особого рода представительства и мандата (поручения). Вся суть французской доктрины органа государства объясняется через указанные идеи, которые без преувеличения являются исходными; объясняют, почему представительный режим является ключом к пониманию публичного права Франции. Они же объясняют конструктивную особенность французской доктрины, состоящую в разделении государства и органов, *каждый из которых признаётся юридической личностью (субъектом)*.

Отправным моментом французской теории органов выступает нация, которая понимается, главным образом, как высшее суверенное лицо, от первичного суверенитета которого производны права власти всех других публичных субъектов, включая само государство; значение нации столь первостепенно, что государство становится лишь юридическим оформлением её организованной коллективной жизни. По словам Эсмена, государство – это юридическое олицетворение нации [3, с. 24]. Такая точка зрения приводит к отождествлению нации и государства и как следствие к отождествлению национального суверенитета и государственного суверенитета.

Однако понимание нации-лица во французском учении уживается с пониманием нации в качестве прямого органа государства в отличие от германской доктрины, в которой нация рассматривается только как орган. В зависимости от национальных правовых систем нация может проявлять себя санкционирующим либо решающим органом – в порядке реализации права референдума; учредительным органом – избирая парламент, главу государства и т.п.

В конструкции нации как субстрата юридической личности государства и в идее национального суверенитета скрываются ответы на важнейшие вопросы о правах власти. «Нация – пишет Л. Дюги – как субъективный элемент государства есть носительница первоначального суверенитета по одному тому, что она есть коллективность и выражает общую волю, стоящую, как таковая, над индивидуальными волями» [4, с. 111]. Олицетворённая нация обладает суверенитетом единым, неразделимым, неотчуждаемым и непогашаемым. Нация не может отчуждать суверенитет, поскольку он присущ ей сущностно, но, оставляя за собой его принцип, она может делегировать этот суверенитет правителям, органам, давая им поручение (мандат), и которые будут осуществлять его в порядке представительства. Вопрос делегации власти, т.е. суверенитета чрезвычайно сложный и французская доктрина не всегда в нём была последовательной. Если Конституция Франции 1791 г. осыатила принцип представительства суверенитета, то Конституция 1793 г., вдохновлённая взглядами Ж. Руссо о том, что суверенитет не только не отчуждаем, но и не представляем, в скрытой форме отклонила эту идею, расширив возможности непосредственной формы правления. Однако в последующих конституционных текстах Франции принцип делегации национального суверенитета восторжествовал и стал неотъемлемым положением государственной науки. По словам Л. Дюги, она постулирует, что нация делегирует путём представительства только прерогативы суверенитета, а его существо сохраняет за собой. [4, с. 113]. Поскольку прерогативы есть исключительные права, то отсюда следует важное заключение о принадлежности государственным органам субъективных прав (властных полномочий, в широком смысле – компетенции), причём принадлежность их прав, за исключением нации-органа, не сущностная, а в порядке соучастия, выраженного через представительство.

Важный момент во французской доктрине образует различие в органах государства представителей и агентов; различие, которое опять-таки является логическим следствием идеи представительного режима в сфере публичной власти.

Органами представительства или *представителями* рассматриваются те органы, которые выражают волю самой нации, как если бы воля исходила непосредственно от самой нации. Они необходимы, поскольку нация как носитель суверенитета, обычно выражает свою волю через прямой высший орган – избирательный корпус (избирателей). Но избирательный корпус за редкими случаями прямого волеизъявления, по общему правилу сам не выражает волю нации: для её выражения он нуждается в органе или органах-представителях, юридические акты которых есть акты самой нации. Таким органами-представителями могут быть монарх, парламент, президент. Особенно отметим, что важнейшим логическим следствием представительного принципа является суждение о том, что воля (акты) таких органов-представителей как воля самой нации – носительницы высшего суверенитета исключает мысль о возможности надзора, контроля со стороны какой-либо иной воли.

Под *агентами* понимают и органы (учреждения), и чиновников, которые не выражают воли нации, поэтому не обладают признаками представителей, и потому состоят под властью и контролем органов-представителей. Воля органа-агента и фактически, и юридически всегда остаётся волей агента. И поскольку они не выражают суверенной, высшей воли нации, то предполагают контроль и надзор со стороны органов-представителей, а также со стороны высших агентов в порядке организационной иерархии. Публичная власть агентов является властью субделегированной.

Таким образом, отличительной особенностью французской доктрины об органах государства является то, что в ней между коллективной личностью государства и конституирующими его органами ставится третье юридическое лицо – нации, которое обладает первичным и верховным по отношению к ним характером.

Против французской теории органа был выставлен ряд критических замечаний. Ей свойственна эклектика, поскольку не различает нацию и государство как два суверенных и разных юридических лица, она отождествляет государство и нацию, и их суверенитеты. Она вносит дуализм в учение о государстве посредством олицетворённой нации – носителя первичного суверенитета. Тем самым усложняет отношения власти между личностью государства и его органами. Она не объясняет механизм передачи нацией власти органам государства. Она рассматривает государственный суверенитет производным от национального суверенитета, но не объясняет всемогущество государства в действительном положении вещей в отличие от идеи. Ключевая презумпция представительства власти допускает, по мысли Ж. Руссо, идею отчуждения суверенитета.

Германская теория развивалась в тот же исторический период, но совершенно в других политических условиях – не под республиканскими лозунгами, а под давлением принципов монархического правления. Германская доктрина была призвана устранить недостатки французской теории органов государства. Германская теория отличается целостностью. Если ключевая идея французской теории представительства требует двух лиц (поручителя-поверенного), то германское учение обходится одним суверенным лицом – коллективной личностью, которая вмещает и нацию, и государство, действующее через свои органы. Обоснование органов государства выводится из самого государства с присущим ему исключительным полномочию как достаточной причины. «Государство – единственный союз, властвующий вследствие присущей ему первичной силы, – пишет Г. Еллинек, – которая юридически не может быть выводима от какой бы то ни было другой силы» [5, с. 191]. Идеи народного или национального суверенитета в таком понимании, которое формировалось в условиях сильной монархии, сковывающей народовластие, становятся логически и сущностно лишними. Поэтому в нации здесь не видят ни субъекта права, ни подлинного и первичного носителя прав власти, а рассматривают только как органическую часть

государства – его имманентный, естественный орган.

В основу германского учения положено органическое воззрение на природу организованных коллективностей, т.е. понимание их как своего рода социальных организмов (Еллинек, Гербер, Гирке, Лабанд, Прэйс, Регельсбергер и др.). Особенно сильное влияние на германскую доктрину оказало учение Оттона Гирке о юридических (коллективных) лицах. Отправным моментом германского учения является идея единства, образованного государством и его органами, юридической растворённости органов государства в государственной целостности как её неотъемлемых частей. Государство и орган – это не два лица, а всегда сущностно составляют одно целое, действующее только в лице государства, в отличие от всякого представительства, в котором представляемый и представитель всегда остаются двумя самостоятельными, разными лицами. Таким образом, в отличие от французской доктрины принципиальным здесь является положение о том, что *государство и составляющие его органы всегда суть одно лицо*; органы государства становятся конституирующими элементами самого государства, которое по выразительному, хотя и не бесспорному, замечанию Г. Еллинека, без своих органов есть юридическое ничто [5, с. 537]; существование органов всецело подчинено осуществлению функций, целей и задач государства. Орган становится, таким образом, *орудием государственной воли*, через который она действует; осуществителем прав власти, единственным носителем которых всегда остаётся только государство. По словам Г. Еллинека, «государство может признать за органами роль сторон в процессе. Но от этого они не делаются лицами» [5, с. 537].

Вопрос отношений между коллективностью (нацией, государством) и органом в германской теории решается противоположным образом в сравнении с французским учением. Если поручительство как исходная идея французской доктрины необходимо предполагает отношения между поручителем и поверенным, то в германской конструкции органа государства юридические отношения между государственным коллективным целым (поглощающим нацию) и его составными частями-органами отсутствуют, так же, как отсутствуют отношения между организмом и рукой, поскольку они образуют единое коллективное целое, волящее через свои органы (индивидов).

Важнейший момент германской теории заключается в *отрицании наличия субъективных прав у органов государства*. Они подменяются понятием компетенции, которая не является субъективным правом, а лишь властью осуществлять права, субъектом которых есть государство. Сущностные отличия между субъективными, правами и компетенцией, либо субъективными правами и полномочиями чётко не определены.

Следует отметить, что германская теория органа государства не лишена путаницы и неясностей, что прослеживается во взглядах её видных представителей на сущность органа. Из органических представлений О. Гирке вытекает понимание органа государства как части или члена коллективной личности. Однако онтологическая природа его остаётся не выясненной.

Гербер определяет органы государства как индивида или индивидов, обладающих первичным правом выражать волю государства. В монархиях – это монарх и палаты. Но они выражают волю государства не как индивидуальные личности, а как государственные установления, т.е. юридическая природа органов противопоставляется природе физической, но остаётся не ясной. Для всех остальных уполномоченных выразителей государственной воли, которые не обладают первичным правом, он вводит шаткое и неясное понятие *органства*: «они лишь занимают положение органов, не являясь ими» [6, с. 137]. Не выясненным остаётся и вопрос о правах органов.

Взгляды Лабанда очень близки к Герберу. Далеко не во всех выразителях

государственной воли он признаёт органы государства, а только в непосредственных. К ним он относит монарха, парламент, правительство. Все остальные представители власти не органы, а *должностные лица*. Но это противопоставление органов и должностных лиц у Лабанда носит не чёткий, колеблющийся характер: иногда он их смешивает. Юридическая природа органа государства у Лабанда также остаётся не выясненной. Суждения Лабанда относительно тех органов, которые определяются как должностные лица, вызывают недоумение: они не обладают своей компетенцией; власть, которой они обладают, не их собственная, а власть государства; поэтому они не имеют прав относительно государства, не являются субъектами права. Но если они бесправны, то неясно их юридическое положение. Ответ Лабанд не даёт.

Наибольшее развитие германская теория органа достигла во взглядах Г. Еллинека. Этот известный учёный не противопоставляет органы и должностных лиц. Выделяет различные виды органов, но не усматривает в них разной природы. В органах видит лиц-индивидов, воля которых есть воля союза, но при этом настаивает на различии собственно органа от составляющих его людей. А. Рождественский прав, когда восклицает: как примирить эти два положения? Ведь, если воля государства есть воля индивида или группы индивидов, то как возможно разграничить по воле орган и действующих в качестве органа людей? [6, с. 142]

Большое значение в германской теории имеет классификация органов государства. Так, Г. Еллинек, прежде всего, различает *прямые* и *непрямые* органы. В каждом государстве есть один или несколько прямых органов, которые определяют его форму. Органы называются прямыми, потому что они возникают из самой организации государства, в силу того, что возникает само государство. Это сущностные высшие органы, поэтому **нет лица, которому бы они были бы подчинены как органы**. Они образуют государство, понимаемое как корпорация, и без них государство становится юридическим ничто. Они могут быть разнообразными. Это может быть индивид (монарх), народное собрание, избирательный корпус, парламент. Нация здесь перестаёт быть олицетворённым носителем первоначального суверенитета; становится прямым органом государства.

Среди прямых органов различают *органы создания* и *органы созданные*. Также в германской теории прямым первичным и прямым вторичным органам противопоставляются *непрямые органы*. Они не являются представительными органами, но являются результатом данного им индивидуального поручения. Они всегда подчинены какому-нибудь прямому органу, как, например, центральные и местные органы исполнительной власти подчинены правительству.

Германская теория, однако, тоже не лишена значительных недостатков. Один из главных упреков направлен на логический круг, который в ней скрывается. Дело в том, что органы государства необходимо предполагают волю, которую они выражают, органами которой являются. Эта воля есть причина их существования. Но органы государства выражают коллективную волю, которая сама существует благодаря органам. Таким образом, неясно либо воля государства есть причина существования органов, или органы есть причина и способ существования государственной воли.

Далее, германская доктрина не объясняет, каким образом одна или множество индивидуальных волей могут образовать юридические лица (органы), обладающие в этом учении реальностью в отличие от фикций, существование которых отлично от реальности составляющих их индивидов.

Кроме того, германская теория не вполне избавилась от эклектичности смешения нации и государства, дуализма олицетворения нации и государства как двух суверенных субъектов. Германская конструкция органа также не лишена определённого дуализма: орган здесь носит двойственный характер, поскольку компетенция органа не представляет его субъективного права, а лишь власть

осуществлять права, носителем которых является коллективное лицо государство.

Что же можно сказать об отечественной доктрине органа государства. В литературе вопроса обычно указывается, что в качестве первоисточника она восприняла взгляды германистов. Полагаем, это не вполне точно. Анализ конституционных положений, органического законодательства и национальной правовой науки позволяет уверенно говорить о том, что отечественная конструкция органа государства строится на резко отличных началах, которые восприняты как из французской, так и из германской теории; при этом влияние данных оснований одинаково конститутивное, не позволяющее устанавливать преимущественное значение между ними. В самом деле, что более важно для конструкции органа – идеи народовластия, народного суверенитета и представительного мандата либо принципиальные идеи, вытекающие из органической целостности, утверждающие, что государство и составляющие его органы всегда суть одно лицо, а воля органа всегда суть воля самой суверенной коллективности-государства? Полагаем, эти концептуальные начала одинаково важны. Поэтому совершенно не правильно рассматривать конструкцию органа односторонне с позиций германистов, поскольку это с неизбежностью приводит к противоречиям. Некоторые из них можно наблюдать на примере публикации В. Шаповала [7]. Автор уже в начале прямо обращает внимание на определяющее значение идей народного суверенитета для развития понятия органа государства [7, с. 25], однако последующее объяснение конструкции органа ограничено исключительно положениями германской доктрины, что не может не вызывать вопросы, поскольку конституционные нормы Украины пропитаны идеями, составляющими основы французского учения органов государства. Они обнаруживаются прямо либо в непрямой форме в конституционных положениях о народном суверенитете, способах и формах народовластия, механизме и порядке формирования органов государства, происхождения и природы их властной компетенции, в положениях о подчинённости, подконтрольности органов государства, об ответственности органов государства. Словом, они слишком очевидны, чтобы их не замечать.

Так, Преамбула Конституции Украины указывает на источник прав власти Верховной Рады Украины, которая действуя от имени Украинского народа и выражая суверенную волю народа как его представитель, принимает Конституцию Украины. В Преамбуле также закрепляется принцип национального и народного суверенитета как исключительное право на самоопределение. Статья 5 Конституции Украины в прямой форме закрепляет принцип народного суверенитета и производный принцип представительства: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Украине является народ. Народ осуществляет власть непосредственно и через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Право определять и изменять конституционный строй в Украине принадлежит исключительно народу и не может быть узурпировано государством, её органами или должностными лицами».

И вытекающее из конституции положительное право Украины обнаруживает идейные начала французской теории. В частности, ст. 5 Закона Украины «О всеукраинском и местном референдуме» в скрытой форме содержит идею отождествления суверенитета народа и государства, которое проявляется в уравнивании решающих прав власти народа и прав власти государства («на всеукраинский референдум могут выноситься вопросы, отнесенные Конституцией Украины к ведению Украины»); в идее народовластия: прямого и в форме представительства проявляется конкуренция прав власти народа и прав власти органов государства – принятие народом путём референдума законов и других важных решений, которые не требуют какого-либо утверждения органов государства и могут быть изменены или отменены в особом порядке. Сюда же относится характеристика

прав власти народа, выражающаяся в возможностях принимать, изменять и отменять законы Украины или их отдельные положения (ст. 3 Закона Украины «О всеукраинском и местном референдуме»). Из этих положений логически следует идея представительного режима, в виде положений о том, что воля народа проводится через представительские органы. Кроме того, ключевые идеи французской теории в национальном украинском законодательстве проявляются в положениях о порядке формирования государственных органов власти народом; природе властной компетенции всех без исключения органов государства; верховенстве компетенции органов государства, избранных народом и отсюда их верховенстве в структурной иерархии аппарата государства; об ответственности органов государства перед народом.

Далее. В. Шаповал отмечает, что компетенция государственного органа объективно происходит от самого государства [7, с. 28], не замечая вышеуказанных конституционных и законодательных положений о народном суверенитете. В качестве определяющего признака органа государства указывается наделение его государственно-властными полномочиями. В этом моменте скрывается одна из проблем германской доктрины, указанная нами в её критике: не ясно кто и как наделяет полномочиями орган государства.

Также утверждается, что в соответствии со ст. 19 Конституции Украины полномочия органа государства должны быть определены конституционно и (или) законодательно. Но автор не задаёт вопросы о том, кто принимает Конституцию и законы Украины? Волей кого определяется их содержание, и волей кого они вводятся в действие? Ответ на них известен. Согласно Конституции Украины и национальной доктрины в этих моментах ясно проявляется принцип народного суверенитета и народного представительства.

Учитывая сказанное можно прийти к выводам. Украинская доктрина органов государства является результатом комбинирования резко отличных идейных начал французской и немецкой правовых школ. Разделительные границы между ними в таком эклектичном учении чётко не разделены.

Замалчивание определяющего влияния французской доктрины в объяснениях конструкции органа государства противоречит текстам Конституции Украины и национальных законов и не может оправдываться намеренным стремлением к идейной стройности и согласованности концепции государственного органа.

Ввиду концептуальной небезупречности обоснования органа государства, национальное учение о нём, очевидно, нуждается в глубоких и системных исследованиях.

Список использованной литературы

1. Тихомиров Ю.А. Современное публичное право : учебник / Ю.А. Тихомиров. – М. : Эксмо, 2008. – 448 с.
2. Шаповал В. Загальне поняття державного органу / В. Шаповал // Державне управління: проблеми адміністративно-правової теорії та практики / за заг. ред. В. Б. Авер'янова. – К. : Факт, 2003. – 384 с.
3. Левин И. Д. Суверенитет / И. Д. Левин. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 373 с.
4. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / Л. Дюги. – М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. – 957 с.
5. Еллинек Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 752 с.
6. Рождественский А. Теория субъективных публичных прав, критико-систематическое исследование. Т. 1. Основные вопросы теории субъективных

публичных прав / А. Рождественский. – М. : Печатня А. Снегирёвой, 1913. – 290 с.

7. Шаповал В. Феномен державного органу (органу держави) або органу державної влади: теоретико-правовий і конституційний аспекти / В. Шаповал // Право України. – 2003. – № 8. – С. 25–29.

Стаття надійшла до редакції 02.10.2011 р.

E. Chernuh

BY THEORETICAL BASIS OF THE CONCEPT OF STATE AUTHORITY

Interpretation of the structure of the state in the Ukrainian state doctrine is based from the perspective of German theory, ignoring the ideological theory of the beginning of the French organ gosudaprstva; comes into contradiction with the text of the Constitution and national laws, as well as individual doctrinal positions.

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ КОНСТИТУЦІЙНОГО ПРАВА

УДК 342.1

І. П. Ковальов

ФЕНОМЕН КОНСТИТУЦІЙНОГО ФУНКЦІОНАЛІЗМУ У КОНТЕКСТІ ПРОБЛЕМИ СУЧАСНОГО КОНСТИТУЦІОНАЛІЗМУ

Проведено аналіз функцій конституціоналізму у контексті феномену функціоналізму та його змісту. Визначено елементи системи конституційного функціоналізму, доведено їх універсальність та значущість. Узагальнено визначення конституційного функціоналізму як категорії сучасного конституційного права, висвітлено роль децентралізації, як конституційної функції.

Ключові слова: конституція, конституціоналізм, конституційні функції, конституційна доктрина, функціоналізм.

Особливості окреслення змісту функцій конституціоналізму сьогодні визначають специфіку вирішення ключової задачі теорії конституційного права – питання визначення сучасного конституціоналізму. Розширення відповідної сфери наукового знання зумовлює істотну *актуальність* аналізу конституційного функціоналізму, у контексті проблеми сучасного конституціоналізму, що слід вважати *метою* нашої роботи. До *завдань* статті слід віднести дослідження та узагальнення правової доктрини стосовно юридичних функцій, функцій конституції; співвіднесення цих функцій із концепцією сучасного функціоналізму, розробленою у дискурсі соціології права. Додамо, що питання щодо змісту функцій конституції підіймалися у працях багатьох вітчизняних теоретиків – М.О. Баймуратова, М.П. Орзиха, В.Ф. Погорілка, О. Ф. Фрицького, Ю.М. Тодики, але лише нещодавно у роботах окремих дослідників (Н.А.Бобрової, В.М. Жімірова, О.В. Поскониної та ін.) було зроблено спробу системного аналізу конституційного функціоналізму.

Дослідимо питання системи функцій сучасного конституціоналізму. Можна навести думку В.М. Жімірова про те, що у юридичній науці аж до теперішнього часу не вироблено єдиного підходу до розуміння сутності та змісту феномена «функції держави і права». Ототожнення функції з дією (діяльністю) на думку цього російського фахівця «представляється в достатній мірі одностороннім, оскільки не дозволяє всебічно проаналізувати динамічну природу держави і права як знаходяться в стані